

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Дар бессмертия

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга выходила под названием
«Хранитель чаши Грааля»

Александрова, Наталья.

А46 Дар бессмертия : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-101173-4

Сотни лет люди по всей земле ищут чашу Грааля, ведь предание гласит, что вкусивший из нее пищу или питье обретет вечную жизнь и мудрость всех пророков...

Реставратор с мировым именем Дмитрий Старыгин не верил в существование Грааля и считал, что история о священном сосуде не более чем миф. Но однажды к нему в руки попала Книга тайн, прочесть которую мог только избранный и в которой говорилось о древнем артефакте. Будучи по натуре авантюристом, Старыгин не стал сопротивляться зову крови и отправился на поиски мифической чаши.

Однако на его пути встает потомок половецких ханов, который готов на любое злодеяние, лишь бы завладеть священным сосудом и обрести исключительное могущество...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101173-4

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Смуглый темноволосый мужчина поставил точку и поднял взгляд от своего рабочего стола. В комнате было тепло и уютно, в камине потрескивали поленья, огонь отбрасывал на бревенчатые стены живые красноватые отсветы. Но за окном его шале бушевала буря, выл ветер, словно души грешников, терзаемых демонами в ледяном аду. И эти тоскливые завывания, эта снежная буря как нельзя больше соответствовали тому, что творилось сейчас в душе этого человека. То, что открылось ему в последние дни, совершенно переворачивало его представления о жизни, о мире, о самом себе.

Эта уютная комната, вся его налаженная, обустроенная жизнь оказались не больше чем картонными декорациями, картонным домиком, готовым рухнуть от самого легкого ветерка, а не то что от страшной бури, вершащей свою власть над горами Сьерра-Невады. Картонные декорации, за которыми таится страшная, грандиозная правда...

Страшная — но и величественная. Грозящая кактаклизмами — но и раздвигающая горизонты жизни всего человечества.

В камине громко треснуло полено, и мужчина очнулся от своих мыслей. Как бы то ни было, жизнь продолжается, и он многое должен сделать в ближайшие

дни, как только утихомирится метель и он сможет покинуть свое горное жилище. Открывшаяся перед ним истина ко многому обязывает.

Сквозь вой ветра за окнами шале ему послышался другой звук. Кажется, это был звук автомобильного мотора... Кто мог приехать к нему в такую погоду? Кто мог решиться в сильную метель преодолеть горную дорогу, опасную даже в обычное время? Кому могло прийти в голову нарушить его уединение?

Должно быть, ему послышалось...

Но вот он отчетливо расслышал шаги на крыльце и громкий стук в дверь.

Значит, к нему действительно пожаловали гости.

В другое время он был бы рад гостям, добравшимся до его шале. Рад был бы даже поводу ненадолго оторваться от работы, выпить стаканчик горячего грога или бокал хереса, поговорить о приятных пустяках вроде политики или футбола, но сейчас, после того, что ему удалось узнать, настроение не слишком подходило для гостеприимства.

Тем не менее положение обязывало соблюсти приличия — не мог же он оставить визитера в такую метель на улице.

Мужчина поднялся, подошел к порогу, отодвинул кованую задвижку и открыл дверь.

Сразу же метель ворвалась в его жилище, облепила лицо сырыми колкими хлопьями, словно напаяли на него шутовскую маску. Мужчина сделал шаг вперед, чтобы разглядеть гостя, явившегося к нему под покровом снежной бури.

Тот стоял всего в двух шагах, но даже на таком расстоянии его с трудом можно было разглядеть сквозь снежную завесу.

— Заходите! — проговорил хозяин, стараясь перекрыть свирепый вой метели.

Снежная завеса на какое-то мгновение истончилась, сделалась чуть прозрачнее, словно метель утомилась от собственного буйства и решила сделать передышку. Хозяин шале увидел своего странного гостя. Это был мужчина лет шестидесяти, однако его крепкая приземистая фигура дышала силой и уверенностью. Невозмутимое лицо с высокими скулами и узкими прорезями глаз определенно говорило о его восточном происхождении.

Чуть в стороне от крыльца стояла машина, на которой приехал незнакомец, — большой черный джип с залепленными снегом номерами.

— Заходите! — повторил хозяин, чуть посторонившись, освобождая гостю дверной проем. — Заходите, не стоять же нам на улице в такую ужасную погоду!

— Благодарю вас, — ответил гость с каким-то едва уловимым акцентом. — Благодарю вас за гостеприимство, однако я не один...

— Что с того, — хозяин вежливо улыбнулся. — Вряд ли в вашем джипе поместился весь лондонский симфонический оркестр, а для трех-четырёх человек мой дом достаточно просторен.

— Нас только двое! — ответил гость странным, словно извиняющимся тоном и, повернувшись к джипу, позвал: — Нимрод!

И тут же в глазах хозяина шале потемнело.

Ему показалось, что страшная изнанка жизни, о которой он узнал совсем недавно, вырвалась наружу, разрывая и сметая ее благополучные покровы.

Из джипа вырвалось что-то немыслимое.

Зверь? Человек? Адское создание?

Наверное, все-таки зверь...

Гибкое и массивное тело, одновременно подвижное и бесформенное, в два прыжка пересекло заснеженное пространство, отделяющее джип от шале, и взлетело на крыльцо. Огромные когтистые лапы толкнули хо-

заяина шале в грудь, отбросив его внутрь дома. Мужчина упал на спину, пытаясь заслониться от нависшей над ним пасти, от чудовища, словно вынырнувшего из ночных кошмаров или из адских фантазий Иеронима Босха. Но это было бесполезно. Круглые глаза чудовища горели адским огнем, пасть распахнулась, обнажив кривые желтые клыки...

Мужчина провалился во тьму, в страшную тьму, из которой нет возврата.

Часть I РОНДА

Старыгин вышел на террасу отеля «Андалусия» и облокотился о парапет. Отсюда открывался восхитительный вид на порт Малаги. Бледно-голубое море было спокойно. Казалось, оно охвачено тем легким, внезапным дневным сном, в который соскальзываешь незаметно и плавно, сном без сновидений. Легкие волны отливали старым серебром и живым перламутром. От дальнего мола медленно уходил белоснежный круизный лайнер. Старыгин вдохнул полной грудью неповторимую смесь ароматов — южного моря, влажной земли, многочисленных экзотических растений, высаженных вдоль набережной, — неповторимую смесь ароматов восточных пряностей и дальних странствий.

Конец апреля, подумал Старыгин, солнце греет, как у нас в России жарким летом, но избалованные испанцы считают, что лето еще не наступило, и одеты тепло — в пиджаки и куртки.

Вода в море и правда холодновата, но Старыгин приехал в Малагу не отдыхать, а работать.

Два дня назад в отеле открылась конференция «Новые тенденции современной реставрации», и, разумеется, Дмитрий Алексеевич Старыгин, крупнейший реставратор с мировым именем, не был обойден приглашением. Доклада в этот раз он не привез, про-

сто было интересно послушать, что нового появилось в этой области за последнее время, пообщаться с коллегами.

Рядом со Старыгиным остановился официант с подносом, уставленным коктейлями.

— Не хотите ли выпить, сеньор?

Старыгин кивнул, взял треугольный бокал с присыпанными солью краями — классическую «Маргариту». Сделал глоток. Вкус коктейля показался ему необычным — в терпком горьковатом букете напитка возникла какая-то странная нота, волнующая и беспокойная. Старыгин глотнул еще немного, пытаясь понять, что именно напоминает ему этот вкус, — и вдруг все вокруг него удивительным образом изменилось. Весь мир задрожал и заколебался, как дрожит и колеблется воздух над разогретым асфальтом. Спокойное море качнулось и встало стеной, словно собираясь обрушиться на вечерний город. Лица людей вокруг Старыгина то вытягивались, то самым смешным образом искажались, как в кривом зеркале. И запахи... те запахи, которые только что казались ему восхитительными, теперь мучительно его раздражали. Казалось, весенний вечер пропитался ароматом гнили и разложения.

Дмитрий Алексеевич ухватился за балюстраду. Ему померещилось, что земля уходит из-под ног.

«Что это со мной? — подумал он. — Неужели все дело в коктейле?»

Он закрыл глаза, сосчитал до десяти, стараясь выровнять дыхание, и поднял веки. Похоже, мир пришел в порядок, только лица людей выглядели как-то непривычно.

— Дмитрий! — послышался сзади негромкий голос. — Как я рад, что нашел вас здесь!

Старыгин незаметно вздохнул — сейчас начнутся долгие разговоры, а он-то хотел постоять спокойно,

любуюсь морем. Однако когда он увидел окликнувшего его человека, на губах Дмитрия Алексеевича заиграла искренняя, радостная улыбка.

— Педро! Как же давно мы не виделись!

Педро Гарсия Мендес — коллега, реставратор из мадридского музея Прадо, они знакомы очень давно и стали бы друзьями, если бы не традиционная сдержанность и чопорность испанцев. Все эти качества имелись у Педро в достаточном количестве. И выглядел он как истинный кастильский кабальеро — черные волосы, сверкающие темные глаза, острая бородака... Не хватало только черного камзола и шпаги.

Старыгин снова почувствовал легкое головокружение, и лицо Педро на мгновение показалось ему совершенно незнакомым. Он зажмурился, снова открыл глаза... да нет, все в порядке, собеседник не заметил этого короткого приступа дурноты.

Русские при встрече жмут друг другу руки, итальянцы обнимаются и вообще бурно и шумно выражают свою радость, французы своих друзей обоего пола обязательно расцеловывают в обе щеки, а испанцы предпочитают выражать свой восторг словами. Старыгин вовремя вспомнил об этом и удержался от резких движений.

— Я не знал, что вы тоже здесь... — Старыгин сказал это по-испански, потом со смехом махнул рукой и перешел на английский.

Специальностью Дмитрия Алексеевича была итальянская живопись эпохи Возрождения, посему он прекрасно говорил по-итальянски, легко читал латинские трактаты и манускрипты, прилично владел английским, как всякий много путешествующий по миру человек, но вот испанский знал плохо.

— Я рад, — повторил Педро, также переходя на английский. — Дмитрий, я бы хотел поговорить с вами и кое-что показать. Кое-что чрезвычайно важное.

Но разговор долгий и серьезный, здесь не время и не место.

— С удовольствием встречусь с вами в неформальной обстановке! — рассмеялся Старыгин. — Давненько мы не посещали с вами никаких значных мест!

Он вспомнил, как лет пять тому назад они встретились в Севилье и провели там три восхитительных дня. Педро водил его по узким улочкам старого города, где каждый балкон закрыт сплошной кованой решеткой (чтобы молодая сеньорита могла только переглядываться с кабальеро и ничего больше, как, смеясь, пояснил Педро), где каждый дворик уставлен цветами в горшках, где крошечные площади, закрытые со всех сторон домами с широкими террасами, выглядят так уютно, по-домашнему, как будто это и не площади вовсе, а патио, внутренние дворики традиционных испанских домов.

Они с Педро обедали в маленьких тавернах, где обязательно на видном месте висел портрет Христофора Колумба, пили восхитительный кофе на площади, напротив здания архива обеих Индий, слушали длинноволосых уличных гитаристов, которые, все без исключения, исполняли Аранхуэсский концерт...

Неужели прошло уже пять лет? А кажется, что это было только вчера.

Тут Старыгин заметил, что Педро выглядит не лучшим образом. То есть он был по-прежнему аккуратен в одежде, и глаза его блестели ярко, но где-то в глубине этих глаз прятались забота и настороженность. Дмитрий Алексеевич взгляделся в старинного знакомого внимательным профессиональным взглядом и понял, что ему не до общих романтических воспоминаний.

— Что-то случилось? — он понизил голос и серьезнел. — Я могу чем-то помочь?

— Я бы хотел посоветоваться с вами, Дмитрий. Это довольно срочно. Сделаем так: завтра я буду ждать вас

в десять утра у замка Гибральфаро, на площадке перед входом в замок.

Старыгин поднял брови. Гибральфаро — старинный замок, построенный еще маврами. Подняться туда можно только пешком, гора высока, ступени крутые. Отчего нельзя встретиться где-нибудь в городе и спокойно поговорить за бокалом вина?

Дмитрий Алексеевич тут же на себя рассердился. Неужели он стал настолько старым и ленивым, что ему трудно лишний раз подняться на гору? Всею виной — кабинетная работа. Он и выбрал в свое время поприще реставратора, чтобы не нервничать, никуда не спешить, тихонько трудиться в тиши мастерской. А отдыхать он любит с книжкой и под пледом, в обществе своего любимого кота Василия. Кот такой же сибарит, как и хозяин.

И от такой жизни, грустно констатировал Старыгин, у него появились некоторые отложения в области брюшного пресса и на боках. Да и странные приступы дурноты, вроде того, что случился с ним минуту назад... Все, конечно, еще можно остановить, если больше двигаться и есть меньше сладкого. Он, как все некурящие мужчины, равнодушен к пирожным и конфетам. Кстати, здесь, в отеле, вполне неплохой повар, который готовит изумительные десерты.

«Стоп! — рассердился на самого себя Дмитрий Алексеевич. — Пора менять образ жизни».

— Я приду, — улыбнулся он Педро, — завтра в десять, я обязательно приду.

С моря раздался гудок — это в порт входил круизный лайнер.

— Как хорошо в Андалусии весной! — сказал Старыгин, вдоволь налюбовавшись на корабль и поворачиваясь к своему собеседнику.

Никто ему не ответил. Терраса была пуста.

И только после следующего доклада и прений Старыгин вспомнил, что завтра в десять утра он приглашен на завтрак с итальянскими коллегами. Завтрак обещал быть интересным — Старыгин вообще по долгу службы и по сердечной склонности тяготел ко всему итальянскому: архитектуре, живописи, пицце и певцу Адриано Челентано, — а тут еще можно было поговорить в неформальном кругу, узнать все последние неофициальные новости.

— Ах, как неудачно! — сказал Дмитрий себе тихонько. — Нужно предупредить Педро и перенести встречу.

В зале испанца не было, нигде не мелькали яркие темные глаза и остrokонечная борода. В ресторане отеля Педро тоже отсутствовал.

— Простите, — обратился Дмитрий Алексеевич к портье, тщательно подбирая испанские слова. — Не могу ли я узнать, в каком номере остановился сеньор Педро Гарсия Мендес?

— Прошу прощения, сеньор, — ответил портье, заглянув в экран компьютера, — господин с таким именем в нашем отеле не останавливался.

Старыгин не стал упрекать портье в нерадивости и уверять, что только что видел вышеупомянутого сеньора с бейджем члена конференции. Он пожал плечами и справился у секретаря. Сеньор Мендес в списках участников конференции не числился. И снова Старыгина что-то удержало от немедленного громкого разбирательства.

— Дмитрий, что-то случилось? — подошел к нему один из устроителей конференции — благообразный испанец с завязанными в пучок длинными седыми волосами.

— Не знаете ли вы что-нибудь о Педро Гарсии Мендесе? Он здесь?

— Как, разве вы не в курсе? — удивился седовласый. — Мендес погиб в конце зимы.

— Как? — удивился Старыгин. — Не может быть!

— У него был дом в горах Сьерра-Невады, Педро любил там работать. Он был холост, вы же знаете, и предпочитал жить один. Ну и вот... кажется, несчастный случай...

— Отчего же он умер, сердце? — после некоторых колебаний спросил Дмитрий Алексеевич.

— Кажется... — седовласый отвел глаза, — его нашли не так скоро, трудно было установить причину смерти... впрочем, я не знаю подробностей.

Старыгин поскорее распрощался, зашел в бар отеля, где взял себе коктейль под названием «Каталонский крем», и надолго задумался.

Если допустить, что портье и седовласый устроитель конференции не врут, а так оно и есть на самом деле, то получается, что Старыгин на террасе отеля встретился и разговаривал с призраком? Или же у него наступило временное, если можно так выразиться, дискретное помрачение рассудка — он видит умерших людей, слышит голоса и так далее.

Если такая странная история случилось бы с Дмитрием Алексеевичем года полтора тому назад, он бы, пожалуй, всерьез озаботился собственным здоровьем — к врачам обратился, витамины попил, в санаторий съездил. Впрочем, с санаторием возникли бы проблемы, то есть не с санаторием, а с котом Василием.

Кот не любил долго оставаться один на попечении старушки соседки. Василий ее признавал, даже аппетита не терял, но страдал в одиночестве.

Однако с некоторых пор с Дмитрием Алексеевичем Старыгиным — скромным мужчиной средних лет — начали происходить странные истории. Началось все в прошлом году, когда из Эрмитажа пропал бесценный экспонат — «Мадонна Литта» работы гениального Леонардо да Винчи. И Старыгин (без его на то